

Однако в обычных семьях редко бывают слуги, которые специально ночью сторожат задние ворота. К счастью, скрытые стражи заметили движение и поспешили подойти, предотвратив превращение Лу Це в высушенный труп на продуваемой всеми ветрами улице у задних ворот.

Было еще рано, и в главном дворе резиденции Цзянбэя светились огни. Обычно в такое время Фу Чэнцы либо находился с Лу Юем, либо был в кабинете, редко когда зажигал свет во всем дворе.

Думая об этом, Лу Це невольно направил шаги в сторону главного двора.

Дядя Чжун вместе с несколькими старыми слугами княжеской резиденции увидели его, словно спасительную звезду. Лу Це, видя толпу людей, собравшихся здесь, нахмурился и спросил:

— Что вы все здесь делаете?

Этот тон прозвучал слишком естественно. Произнеся это, Лу Це на мгновение оцепенел и потерялся. Возможно, из-за того, что Фу Чэнцы обычно многое ему позволял, у него развилось самоуправство из-за баловства, и даже произнесенные слова звучали как речь хозяина дома. Когда же он пришел в себя, выражение его лица стало бесконечно насмешливым.

К счастью, в этот момент слуги были как муравьи на раскаленной сковороде, и никто не обратил внимания на странность в словах Лу Це.

Из уст окружающих он узнал, что после возвращения с дворцового приема Фу Чэнцы заперся во дворе, одну за другой опустошая кувшины вина «Пьяная весна и осень». Когда в предрасветной темноте он пошел за новой порцией вина, то поскользнулся на пустом кувшине, устроив немалый шум. Тогда дядя Чжун по своей инициативе поставил лестницу, перелез через стену во двор и зажег для него свет.

Лу Це равнодушно подумал, раз любимый человек собирается жениться, как тут не напиться.

Не задерживаясь, он повернулся, чтобы уйти. Будь то детские узы, запутанные отношения пятилетней давности или безжалостность четырех лет назад — с самого начала это был лишь его собственный спектакль. Теперь же актер смертельно болен, лекарства бессильны, и сцене пора опустить занавес и завершить представление.

Внезапно из двора послышался звук падения тяжелого предмета. Все затаили дыхание и быстро побежали обратно. Только белая тень промелькнула перед глазами, и мужчина, еще мгновение назад стоявший рядом, в одно мгновение оказался у ворот двора.

Лу Це сделал вдох и, постучав рукой по дверной створке, строго, не скрывая беспокойства, произнес:

— Фу Чэнцы! Фу Чэнцы! Ты слышишь?

Как только Лу Це собрался выломать дверь, из-за нее раздался глухой голос:

— Пошел вон!

Вслед за этим послышался звук разбивающегося винного кувшина. Видимо, в приступе гнева он швырнул кувшин в дверь.

Несмотря на свирепость, это невольно заставило вздохнуть с облегчением — с человеком все в

порядке.

Лу Це спросил:

— А где лестница, по которой раньше перелезали через стену во двор?

— Вот она! — быстро слуги принесли лестницу. — Она неустойчива, нужна поддержка. Князь Лин, может...

Не успев договорить, он увидел, как молодой человек в белых одеждах легким движением стопы коснулся длинной лестницы, ловко и проворно перевернулся и проник во внутренний двор.

Низкая каменная скамья рядом с Фу Чэнцы опрокинулась. Звук падения тяжелого предмета, должно быть, издала именно она.

Почуввав витающий в воздухе запах алкоголя, Лу Це недовольно нахмурил брови, и в его сердце скользнуло неприятное воспоминание. Но, взглянув на пьяного человека перед собой, он все же, преодолевая отвращение к этому запаху, подошел.

Фу Чэнцы прислонился к каменному столу. Его глаза утратили остроту и ясность трезвого состояния, вместо этого они были влажными и блестящими, что даже вызывало некоторую жалость.

Казалось, он еще не осознал вторжения чужака на свою территорию, лишь высоко поднял винный кубок и точно вылил содержимое себе в рот.

Лу Це с холодным лицом выхватил из его рук кубок и бросил на траву рядом. Потеряв опору в руке, Фу Чэнцы немного протрезвел.

— Зачем ты пришел? — оглянувшись, равнодушно спросил Фу Чэнцы.

— Посидеть с тобой, — Лу Це снял длинные сапоги и, подражая ему, взобрался на стол, сев рядом, плечом к плечу, следуя его взгляду, устремленному в одну точку огромного ночного неба.

Так они и сидели в тишине, никто не начинал говорить первым, словно время замерло.

Спустя долгое время Фу Чэнцы снова взял сбоку винный кувшин:

— Не обращай на меня внимания, завтра все пройдет.

Лу Це повернул голову, взглянул на него. Фу Чэнцы в этот момент был с румяным лицом, его слова пахли перегаром, но звучали очень ровно. Лу Це моргнул сухими глазами и сказал:

— Если бы в твоём дворе не горело так ярко, не слепило мне глаза, я бы и не пришел.

— Я заранее знал, что он женится на Цзян Яо, — Фу Чэнцы сделал глоток вина, как воды. — Просто не думал, что так быстро.

Лу Це не ответил ему, невольно вспомнив ту ночь, когда он впервые прибыл в резиденцию князя Цзянбэя. Тогда этот человек, весь проникнутый свирепостью, был подобен строптивому и вспылчивому льву. Наверное, его тогда так и спровоцировали.

Кувшин вина был опустошен ими обоими досуха. Лу Це прыгнул с круглого стола, и его ступня в обуви и носках наступила на острый камень. От боли он резко вдохнул.

Фу Чэнцы тоже слез со стола, присел на корточки рядом с ногой Лу Це, протянул руку, сжал тонкую лодыжку и, подняв голову, спросил:

— Растянул?

Лу Це оперся поясницей о каменный стол, положив одну ногу на колено Фу Чэнцы. Сначала покачал головой, потом беспокойно повертел лодыжкой.

Фу Чэнцы уже потерял способность к простому мышлению. Он стащил с ноги Лу Це обувь и носки, обнажив ступню, на которой содралась кожа.

Ступня, оказавшись на воздухе, почувствовала холод, пробежавший снизу вверх. Пальцы ног невольно сжались. При этом ладонь, сжимавшая лодыжку, была обжигающе горячей, что заставило его неестественно запрокинуть голову.

Фу Чэнцы поднял голову и увидел вытянутую шею, на боку которой еще просвечивали синеватые сосуды, а выше — гладкий и красивый подбородок.

Как будто движимый неведомой силой, Фу Чэнцы поднялся, уперся руками по бокам в каменный стол и поцеловал поднятую шею.

Лу Це в полудреме лишь почувствовал, как теплый прикосновение коснулось кожи его шеи, и инстинктивно отвернул голову в сторону.

Поцелуй не достиг цели. Фу Чэнцы одной рукой обхватил талию, зажав ее в объятиях. Широкая ладонь скользнула вдоль позвоночника вверх, пальцы сжали затылок Лу Це, заставив того повернуть голову и встретиться с ним взглядом.

Вглядевшись в эти чистые глаза, Фу Чэнцы почувствовал волнение в сердце, нашел слегка приоткрытые губы и поцеловал их.

Интимный поцелуй сопровождался влажными звуками, а при разъединении губ между ними протянулась тонкая серебристая нить.

Воздух в одно мгновение нагрелся.

Луна, словно смутившись, скрылась за облаками.

Легкий вкус оказался недостаточным, и он не хотел останавливаться на этом. Наклонившись, он подхватил человека на руки. Ощущение невесомости заставило Лу Це инстинктивно обхватить шею Фу Чэнцы.

Шаги Фу Чэнцы были очень уверенными. Переступив через разбросанные на земле осколки винных кубков, он направился прямо в комнату.

Вернувшись в покои, Фу Чэнцы ногой прикрыл дверь.

Лу Це был уложен на мягкую постель. Глядя на спину Фу Чэнцы, он спросил:

— Что ты делаешь?

— Мою полотенце, чтобы обтереть тебя, — Фу Чэнцы принес смоченный и выжатый платок.

Он стал снимать с Лу Це пояс и верхнюю одежду. Лу Це лежал на большой кровати, покорно позволяя делать с собой все, что угодно. Когда рука коснулась завязок нижней одежды, его схватили.

Лу Це встретился с его недоуменным взглядом, затем прижался к его груди, и тихий, как комариный писк, голос произнес:

— Не хочу раздеваться, мне холодно.

Фу Чэнцы притянул его к себе поближе:

— Я позову людей, пусть принесут жаровню.

Сказав это, он собрался выйти.

Была всего лишь осень, а уже требовалась жаровня, но оба пьяных человека не осознавали странности этих слов.

Лу Це стоял на коленях на кровати, обхватив его талию руками, и уткнулся лицом в шею другого:

— Не хочу, чтобы другие входили.

— Хорошо, — хрипло ответил Фу Чэнцы.

Он тоже не хотел, чтобы кто-то посторонний увидел этот соблазнительный вид.

Фу Чэнцы тем же платком обтерся и, вернувшись в постель, уже был в новом нижнем белье.

Поднявшись на кровать, он задул свет.

В комнате воцарилась темнота. Двое, прижавшиеся друг к другу, казалось, могли слышать биение сердец друг друга.

Неизвестно, кто сделал следующий шаг. Нечто под названием чувство поднялось между ними.

Растопив разделявшую их ледяную преграду.

Тихий шелест ткани о постельное белье. Перевернувшись, он прижал его к кровати.

Фу Чэнцы впился зубами в его подбородок, оставив глубокий отпечаток зубов. Горячее дыхание коснулось его шеи. Его дыхание стало тяжелым, и хриплым голосом он произнес:

— Лу Це.

Сердце, до этого парившее в облаках, мгновенно вернулось к спокойствию. Он нервно и беспокойно вцепился в воротник Фу Чэнцы, а в глубине зрачков плескалась весенняя вода.

Фу Чэнцы снова низким голосом позвал:

— Лу Це.

Спустя мгновение послышался очень тихий ответ:

— Я здесь.

Два слова, произнесенные медленно и нежно, страстно и чувственно, стали источником падения в пучину желания.

<http://bllate.org/book/15603/1392883>